
**Советская действительность: попытки современного анализа
(на материале работ М. Рыклина и Л. Гудкова)**

Смолина Н.С.

По общему мнению исследователей, советская система – тоталитарная система по своей сути и наиболее близка к теоретической модели тоталитаризма по многим признакам. Лишь после распада советской системы с появлением возможности комплексного и сравнительно-типологического анализа разных систем начали появляться концепции, выходящие за рамки классического дискурса тоталитаризма. Среди них выделяются идеи Михаила Рыклина и Льва Гудкова, предлагающие переосмыслить либо классический дискурс, определяющий советскую систему как тоталитарную, либо установить теоретические рамки для концепта «тоталитаризма».

В основе концепции Михаила Рыклина лежит мысль о том, что «теория тоталитаризма была сформулирована на основе сближения двух политических систем» [Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различия. М.: Логос, 2002. С. 9]. Ханна Арендт создавала концепцию тоталитаризма, прежде всего на немецком материале и механически спроецировала на советский опыт ряд черт, присущих национал-социализму. Но, строго говоря, Ханна Арендт определила советское общество как тоталитарное, не имея на то оснований, поскольку «для понимания социальных систем важен достаточный уровень абстракции, позволяющий проследить их логику; а для этого они должны стать более или менее законченными» [Там же. С. 12]. Соответственно, база для сравнений двух систем сложилась не в 1949 году, когда Арендт закончила свою книгу о тоталитарном господстве, а за последние десять лет, когда советский опыт предстал в виде архива. Тогда для сравнения предстают два более или менее гомогенных в своей законченности архива. По его мнению, сходство бросается в глаза: пренебрежение правом и ориентация на силу; ограничение (или уничтожение) гражданского общества; культ единства народа и вождя и т.д. и т.п. Но «каждое из этих сходств уже на уровне сходства является различным; оно не имеет ничего общего с полным сходством или тождеством» [Там же. С. 9]. Различия обнаружатся, если понятие тоталитаризма изнутри расслоить на мелкие и по-особому связанные между собой фрагменты, что и пытается сделать Михаил Рыклин.

Главным местом сравнения для Рыклина выступает архитектура, отношения между вождем и архитектором, дискурс, возникающий при строительстве и эксплуатации архитектурных объектов (на примере метродискурса), поскольку «архитектура «тоталитарных» государств не просто подчиняется словесно сформулированным догматам, но также непосредственно выражает то, что никакие речевые конструкции сформулировать не могут» [Там же. С. 60].

Рыклин полагает, что о тоталитарных режимах нельзя говорить как об изобретениях диктаторов; они возникают в определенное время и в определенном месте неслучайно, хотя случайности в данном случае не противостоят абсолютная необходимость. Общим местом была зависимость советского и немецкого миров от внешнего мира. Наличие врага, во-первых, конституирует мир, а во-вторых, предоставляет зрительный зал, ради которого устраивается спектакль. Оба политических режима использовали насилие в колоссальных масштабах, но природа насилия была различной. Между тем в Германии нацистского периода гражданское общество было запугано, затерроризировано, но не ликвидировано, как это было в СССР. Советский режим – единственный, который прошел полный цикл своего развития, в том числе в условиях военного и мирного времени, об этом же будет говорить Лев Гудков в своей статье «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия.

Коммунизм претендовал на радикальное преодоление противоречий предшествующей истории, причиняя зло исключительно ради высшего Добра, не осознавая логику зла как независимую от своей конечной цели. Советское общество сталинского периода было в высшей степени коллективистским. Идеология связывала людей. Одинокий человек в таком обществе был практически мертв: участие в социальности было глубоким императивом, который даже не обсуждался. В пространстве коммунальных квартир людей связывало друг с другом недоверие. В общем же плане советский человек скован с другими самим ужасом, который для Рыклина принимает «форму ликования и без труда прочитывается внешним наблюдателем как проявление наслаждения» [Там же. С. 11]. Грандиозная театрализация производственного процесса потребовала от советской власти радикальной экспроприации и сосредоточения всей собственности в руках государства. (В сравнении с германским режимом, Рыклин говорит о запуганности, затерроризованности немецкого гражданского общества, но не в коем случае не ликвидации).

Сталинская культура ставит себя на службу человеку, выступает против обезличивания и стандартизации, за учет индивидуальности и даже за «интимность». Каждая скамейка в метро, по словам современного философа, рассматривается как еще одно проявление заботы о человеке. Эта культура также стремится быть художественной во всем и возвышаться над бытом, который всячески старались усовершенствовать авангардисты. «Она одержима плодовитостью, любая угроза потенции воспринимается ею очень серьезно; при всем этом она склонна создавать миражи и фантасмагории, потому ей есть что скрывать и не допускать в свое лоно» [Там же. С. 59]. В результате патетически создаваемый мир Добра зеркально дублирует вытесняемый мир Зла.

Лев Гудков, переосмысляя категориальный аппарат для описания и объяснения советского человека как социально-антропологического типа,

---

пытается оценить теоретический потенциал и пригодность концепта «тоталитаризм» для анализа советской системы.

По его мнению, социальная наука в настоящее время испытывает дефицит средств интерпретации социальной системы, существовавшей в России. «Тоталитаризм превратился в суммарную негативную характеристику государственного режима, в универсальную объяснительную и описательную схему» [Гудков Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 - 2002. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. С. 367], поэтому необходимо пересмотреть и переоценить продуктивность использования концепта «тоталитаризм». Сам этот концепт оценивается как многозначный, неопределенный, включающий в свой состав самые разные характеристики и признаки. С переходом в другую социальную и культурную среду этот термин утратил свою ясность и очевидность. Именно поэтому необходимо заново проследить логику развития смысловой наполненности понятия «тоталитаризм».

Таким образом, в современной социально-философской науке наряду с доминирующими концепциями, признающими советскую систему тоталитарной, существует мнение, что советская действительность не должна рассматриваться тоталитарной, по крайней мере, в том смысле, который был заложен Ханной Арендт и в том, в каком германское нацистское общество определяется как тоталитарное. За внешним сходством кроется внутреннее различие. Советская действительность является уникальным образованием, со специфическими чертами, не похожими ни на какую другую действительность. Лишь под влиянием уникальной исторической и политической ситуации возможно было формирование советского мира. Столь же уникальным образованием является советский человек. Его ментальность сформировалась на базе национального менталитета (будь то русского, узбекского, украинского или кавказского), который явился тем несгибаемым стержнем, на который была наращена советская составляющая, а возможно, что менталитет продолжил свое органическое развитие в условиях советской действительности.

Концепция тоталитарности настаивает на понимании режима как системы массового террора. Однако система массового террора – это вторичная система. Первична по отношению к ней система идей, способная властвовать над сознанием людей. Тогда и советская действительность и тоталитарные режимы предстают как идеократии. Главное свойство природы идеократии состоит в создании «идеологического» человека, для которого эти идеи выступают конструирующим началом их сознания. Сам концепт «тоталитаризма» требует пересмотра и переоценки эффективности, продуктивности.